

К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ

Д.В. Анкин

В статье обосновывается тезис, согласно которому эпистемологическая интерпретация собственных результатов в духе корреспондентной (классической) теории истины, которую предлагает Тарский, вовсе не является обязательной.

Ключевые слова: эпистемология, интерпретация, истина

Представляется, что отношение между логической семантикой и эпистемологией до некоторой степени аналогично отношению между физикой и философией физики: результаты первой необходимы, но не достаточны для построения второй, требуется что-то еще, как минимум некоторая дополнительная интерпретация. Таким образом, если рассматривать семантику в качестве интерпретации некоторого формального исчисления, то эпистемология окажется уже интерпретацией интерпретации (по-видимому, и не только).

Для того чтобы обратиться к эпистемологической интерпретации семантики, вспомним схему А. Тарского « X истинно $\exists p$ », где p – это предложение некоторого языка $[P]$, а X – имя данного предложения в метаязыке. Разделение языка на язык описываемый (язык-объект) и язык самого описания (метаязык) является одним из возможных методов, дающих возможность избежать противоречий и парадоксов автореференции. Данный метод позволил Тарскому построить семантику в качестве логически непротиворечивой системы.

Всякая конкретизация (= реплика)схемы Тарского может толковаться в качестве явного определения истины, но лишь для одного-единственного, входящего в правую часть данной реплики конкретного предложения. Реплика схемы будет тогда эквивалентностью типа $Dfd \exists Dfn$, где Dfd будет индексацией метаязыкового имени данного предложения в качестве истинного $[1]$, а Dfn будет самим предложением.

О проблеме построения общего для всех предложений некоторого языка определения истины мы поговорим чуть позже, сейчас же возникает непростой вопрос: что же считать предложением. Сколько, например, предложений записано ниже?

1. Кошка на рогожке.
2. Кошка на рогожке.
3. Собака на коврике.
4. Собака на коврике.
5. На коврике собака.

Кто-то скажет, что перед нами пять предложений. Сказавший так (грамматист или программист, или даже такая цифровая машина, которая и человеком не является) измеряет предложение расстановкой точек. Кто-то скажет, что перед нами три предложения. Так скажет тот, кто считает не по точкам (паузам), а по сходству формы, образующей некоторый класс (тип). Тогда получается три варианта (= предложения): (1,2), (3,4), (5). Подобным образом трактовал предложение и сам Тарский.

А еще кто-то объединит (3), (4) и (5) в один общий класс, получив всего лишь два класса, – это тот, кто не считает предложение носителем истинностного значения. В последнем случае необходимо наряду с предложениями некоторого языка рассматривать какие-то иные сущности и наделять их статусом носителей истинностного значения: пропозиции, вечные предложения, суждения или еще что-то подобное. По последнему пути мы не пойдем и ограничимся предложениями как классами записей в смысле Тарского.

Прежде чем двинуться дальше, хотелось бы пояснить ценность последнего вывода. Получается, что неявно принятое исследователем понятие предложения детерминирует его позицию в отношении носителя истинностного значения. В частности, те, кто отрицает пропозиции в качестве подозрительных и ненужных сущностей, с необходимостью понимают предложение либо в смысле первой, либо в смысле второй из указанных позиций. А те, кто пропозиции признает, с необходимостью толкуют (пусть и неявным образом) предложение в смысле третьей позиции. Данная тема достойна самостоятельной разработки, но немного отвлекает нас от основной цели исследования.

Проблема определения истины заключается в том, чтобы получить *общее* определение для всех предложений некоторого языка [P]. Тарский решил эту сложную задачу для языков дедуктивных наук. До-

вольно непростым, как мы помним, способом: через семантическую категорию выполнимости и рекурсию, прямо применимую лишь в отношении пропозициональных функций (открытых предложений), но распространяемую и на собственно предложения (при соответствующем истолковании предложения как крайнего случая открытого предложения). Предложение определяется как пропозициональная функция, не содержащая свободных переменных.

Построение общего рекурсивного определения истины имеет большое значение для логической семантики. Для эпистемологии оно тоже значимо, но преимущественно в качестве результата, касающегося исследований языков дедуктивных наук (исследований, опять же, прежде всего семантических). Вовсе не формально корректное определение является основным результатом с точки зрения эпистемологии. Но что же тогда? Представляется, что Тарским получены более широкие по своему значению и более фундаментальные для эпистемологии результаты, среди которых можно выделить использование схемы эквивалентности в качестве критерия материальной (не)адекватности.

В своей знаменитой статье «Семантическая концепция истины и основания семантики» А. Тарский подчеркивает нейтральность собственных результатов по отношению к той или иной эпистемологической позиции:

«На самом деле семантическое определение истины ничего не говорит о том, при каких условиях можно утверждать предложение типа:

(1) “Снег бел”.

Из него вытекает лишь одно: когда мы утверждаем или отрицаем это предложение, мы должны утверждать или отрицать соответствующее предложение типа:

(2) “Предложение “снег бел” истинно”».

Таким образом, мы можем принять семантическую концепцию истины, не отказываясь от своей эпистемологической позиции: мы можем оставаться наивными реалистами, критическими реалистами или идеалистами, эмпириками или метафизиками и кем угодно. Семантическая концепция полностью нейтральна по отношению ко всем этим позициям» [2].

В то же время нам видится некоторое противоречие между постулируемой эпистемологической нейтральностью семантики и интерпретацией собственных результатов в духе классической, корреспондентной, концепции истины.

Ключевой категорией для раскрытия данного противоречия нам представляется категория «материальной адекватности» определения истины. С одной стороны, Тарский связывает понятие материальной адекватности с нашими интуитивными представлениями. Он подчеркивает, что люди ошибаются, когда противопоставляют понятие истины, определяемой в качестве соответствия, своим собственным интуициям (неопределяемым понятиям). При этом Тарский полагает, что если бы люди были способны все свои интуиции корректно артикулировать, они сразу бы признали понятие истины в качестве соответствия вполне адекватным, т.е. соответствующим их собственным, интуитивным представлениям.

С другой стороны, понятие истины неким образом связано со знаменитой схемой эквивалентности. Вопрос о характере данной связи видится более сложным, чем вопрос о природе наших интуитивных представлений в отношении истинного и ложного. Как же связать схему с теорией истины и ее проблемами?

Как мы уже отмечали выше, истинность есть характеристика *предложений* [3] определенного типа. Многие современные теории истины строятся на основе той или иной интерпретации схемы Тарского, устанавливающей эквивалентность между предложениями и именованиями данных предложений в качестве истинных в некотором метаязыке. Если убрать из этих теорий истины понятие предложения, то автоматически исчезает и само понятие истины, т.е. перестают существовать и сами теории.

Мы утверждаем, что схема эквивалентности Тарского определяет границы неадекватности возможных определений истины на основании того, что все эквивалентности должны следовать из любого определения истины, если только это определение материально адекватно. Получается важная для *любой* эпистемологии аксиома: определение истины, не отвечающее схеме Тарского, есть определение *неадекватное*.

Продемонстрируем наш вывод.

1. Материально адекватное общее определение не может противоречить конкретизациям схемы эквивалентностей (= частным определениям, выражающим наши интуитивные представления о правильном именовании чего-то истинным или ложным).

2. Данное определение противоречит схеме эквивалентностей.

3. То, что противоречит схеме эквивалентностей, необходимо противоречит хотя бы некоторым эквивалентностям (конкретизациям данной схемы).

4. Данное определение противоречит некоторым эквивалентностям (= частным определениям, выражающим наши интуитивные представления о правильном именовании чего-то истинным или ложным).

5. Данное определение истины материально неадекватно.

Предыдущий вывод вполне соответствует позиции И. Канта в отношении логики. Кант полагал, что логика должна быть каноном, который помогает устанавливать и исключать ложное, но не имеет права претендовать на статус органа, т.е. такого инструмента, который позволяет получать истинное (в отношении содержания наших знаний). Если же философия интерпретирует логику в качестве органа, то такая философия становится диалектикой, с которой следует нещадно бороться (ибо «диалектика», по Канту, есть разновидность софистики). От диалектики может спасти лишь дисциплина чистого разума.

Но вернемся к Тарскому, к его трактовке материальной адекватности. Наверное, можно согласиться с Тарским в том, что корреспондентная концепция в наибольшей степени адекватна нашим обыденным интуициям и нашим естественно-языковым правилам именованию чего-то истинным или ложным [4]. В то же время естественный язык для философа не указ. Существуют, например, формальные языки (в области математики и логики), при построении которых нам нет дела до обыденных, замешанных на нормах естественных языков интуиций в отношении адекватности либо неадекватности. Очень сомнительно, что корреспондентная концепция будет адекватной для наук формальных, скорее адекватность в данном случае следует признать за *когерентной* концепцией истины. Равным образом в некоторых эпистемологических контекстах может оказаться более адекватной прагматическая концепция истины (например, в контекстах, связанных с использованием гипотетико-дедуктивного метода) или же иная теория истины.

Имея вполне адекватное в относительном смысле, т.е. для некоторой методологии познания, определение истины, не всегда возможно установить истинность или ложность *конкретных* предложений. Может оказаться так, что нет пути от общего рекурсивного определения к базисным случаям данной рекурсивной конструкции (конкретизациям схемы в форме эквивалентностей). Далеко не всякое определение может быть преобразовано в алгоритм.

Если же рекурсивное определение истины Тарского не дает и не может в принципе дать нам алгоритм, хорошо бы иметь хотя бы канон. Целям построения эпистемологических канонов истинности отвечает

понятие *критерия* истины. Следует отметить, что если нет адекватного определения истины, то нам не удастся получить и обоснованный критерий истины, так как всякий обоснованный критерий с необходимостью есть критерий чего-то определенного [5]. Обратное же неверно: если нет критерия истины, то вполне *может* быть получено адекватное определение истины (К. Поппер).

Вопрос нахождения критерия истины является более содержательным и сложным, чем проблема адекватного определения истины, поскольку целью использования критерия является установление того, *какие именно* предложения истинны, а какие – ложны. Знать же определение означает всего лишь иметь некоторые *правила* подстановки предложений в схему Тарского (знать, что такое истинное и что такое ложное, равносильно знанию правильного *именования* чего-то истинным или ложным соответственно). Совсем другое дело – знать, что некоторые *конкретные* предложения истинны или ложны (это сложнее, чем иметь адекватные правила подстановки для всех предложений некоторого языка).

Зная правила (определение истины для предложений языка [P]), мы не обязательно знаем, что именно подпадает под данные правила (класс истинных предложений языка [P]). Критерий истины предназначен для того, чтобы данную брешь закрыть. Однако алгоритмическое преодоление невозможно, что в конечном счете эквивалентно невозможности универсального критерия истины.

Последнее наше утверждение можно попытаться фальсифицировать следующим образом: чтобы работал универсальный критерий, мы вовсе не обязаны иметь алгоритм перехода от общего определения к частным случаям, достаточно иметь что-то вроде «способности суждения». С этим не стоит спорить: иногда действительно переход от правила к его конкретным применениям не осуществляется по причине недостатка способности суждения. И если мы не имеем алгоритма, он вполне может иметься (существовать). Но у нас несколько иной случай: именно *существование* универсального критерия пытались опровергнуть И. Кант, Б. Рассел, А. Тарский и К. Поппер. Если же некоторое опровержение возможности существования универсального критерия истины признается корректным, то дело оказывается вовсе не в недостатке нашей (пусть даже общечеловеческой) способности суждения.

Результаты А.Тарского относятся к области логической семантики, которая, как мы отмечали, является основанием эпистемологии,

любой эпистемологии. Это следует понимать так, что та эпистемологическая интерпретация собственных результатов в духе корреспондентной (классической) теории истины, которую предлагает сам Тарский, вовсе не является обязательной.

Примечания

1. Истинность оказывается при этом аспектом метаязыкового именованья («истинностью» некоторого термина), что для семантики может быть и вполне достаточным, а для эпистемологии явно не является достаточным, не годится ни для какой теории истины.

2. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Дом интел. книги; Прогресс-Традиция, 1998. – С. 118.

3. Иногда говорят о «высказываниях», но не будем умножать сущности без необходимости.

4. Хотя в отношении термина «ложность» в естественном языке не все так просто, а в русском языке далеко не просто даже с «истинностью» (о которой больше говорят профессиональные философы на своем полу-искусственном русском), так как имеется еще и «правда».

5. В отличие от человека, нуждающегося в критериях, экспертные системы могут успешно работать по случайным признакам. Построение классов экспертными системами может не являться построением *обоснованным*.

Дата поступления 12.05.2012

Уральский федеральный
университет, г. Екатеринбург
dmitryankin@gmail.com
ankin@eka-net.ru

Ankin, D. V. On the epistemic interpretation of semantics

The paper grounds the thesis that the epistemic interpretation of inherent results in the spirit of the correspond (classical) theory of truth proposed by A. Tarsky is not at all obligatory.

Keywords: epistemology, interpretation, truth